

902.7
Э-47

Экскурсионный
вестник

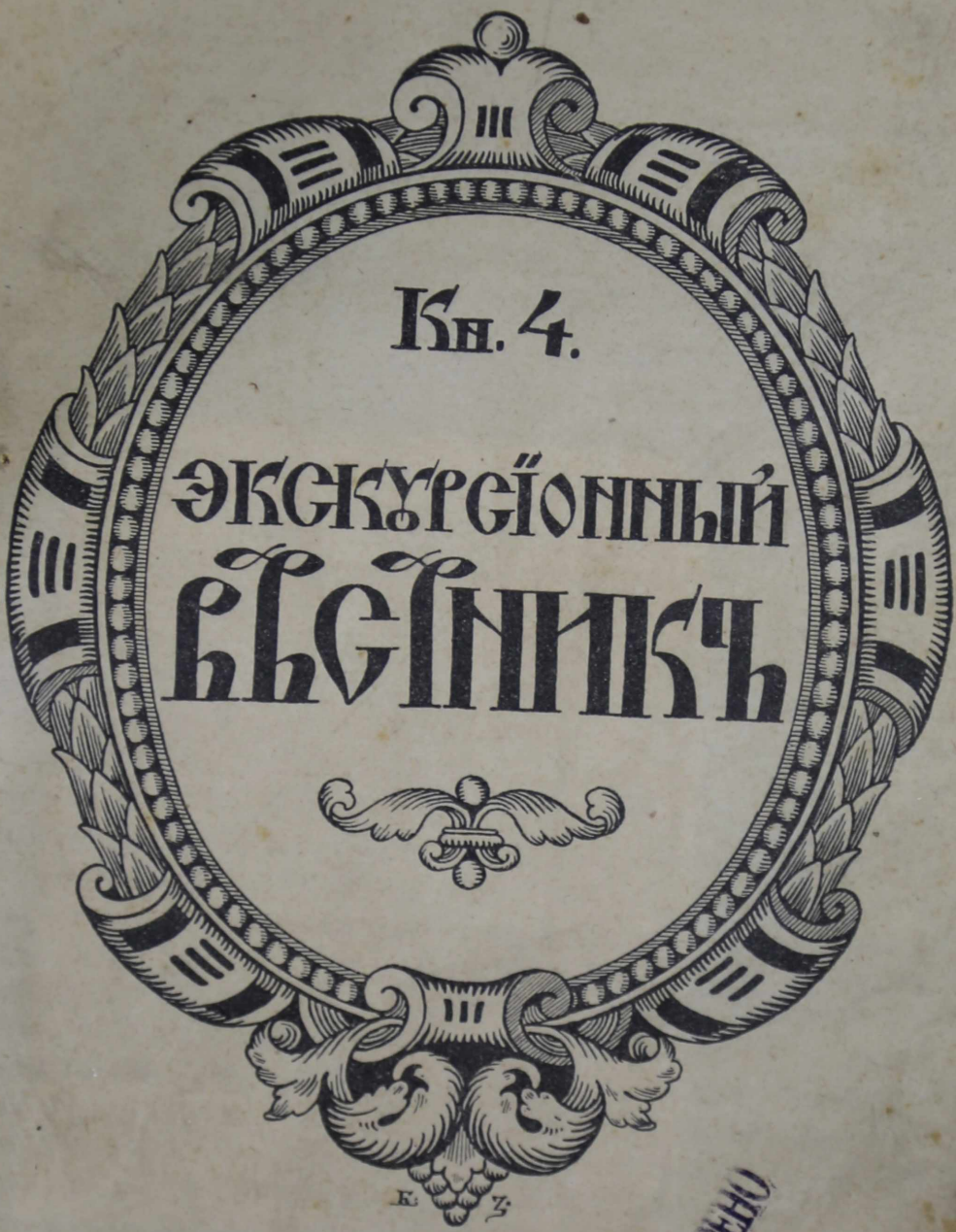
Кн. 4

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СОВЕТ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

902.10
Э41

ПРОСВЕЩЕНЫ

Российский Цик культурного
и природного наследия
библиотека

БИБЛИОТЕКА
№ 3288

БИБЛИОТЕКА
№ 2158

7

СТРАНА МИРНОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРУДА.

(Очерки современной Бельгіи.)

Славное прошлое, пережитое бельгійскимъ народомъ на протяжении его многовѣковой и многострадальной исторіи, снова воскресло теперь въ минуту постигшаго его тяжкаго испытанія; снова, какъ не одинъ разъ и раньше, ярко вспыхнули въ душѣ бельгійскаго народа неугасимая старинная доблесть и геройство, создавшія бельгійское государство и доведшія его до настоящаго блестящаго расцвѣта, въ которомъ застала Бельгію такъ неожиданно обрушившаяся на нее война. Этотъ культурный расцвѣтъ маленькой страны явился прежде всего результатомъ тѣхъ творческихъ силъ, которыя были заложены отъ природы въ душѣ бельгійскаго народа съ одной стороны, съ другой, были какъ бы выкованы могучимъ молотомъ исторіи.

По своимъ размѣрамъ*) Бельгія является однимъ изъ самыхъ мелкихъ государствъ Европы, но по развитію промышленности, по трудо-способности ея населенія, она по праву можетъ быть поставлена на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Природа щедро вознаградила эту страну, накопивъ въ ея нѣдрахъ

*) Ея территория меньше территоріи, занимаемой Московской губерніей.

богатѣйшія залежи каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ, создавъ въ Бельгii такое рѣдкое сочетаніе необходимыхъ для развитія промышленности условій, которыя въ связи съ творческими и трудовыми началами народной души создали грандіозную картину промышленнаго и культурнаго расцвѣта. Залежи каменнаго угля находятся у подножія сѣверныхъ Арденнъ и составляютъ продолженіе зоны каменно-угольныхъ отложеній, которая тянется съ востока на западъ, отъ Рейнскихъ сланцевыхъ горъ въ Германіи до Валансьена во Франціи. Наиболѣе богатые залежи каменнаго угля находятся въ провинціи Бельгii Геннегау, гдѣ онѣ образуютъ два района: первый, Боринажъ, лежитъ къ сѣверу отъ р. Самбры у французской границы близъ города Монсѣ, второй районъ—у самой р. Самбры, съ городами Шарлеруа, Жилли, Жюме и др. Далѣе эта зона каменноугольныхъ отложеній Бельгii направляется къ Намюру и Люттиху, т.-е. въ долину р. Мааса съ его притокомъ р. Урдой.

Перечисленныя мѣстности, занимающія юго-восточную часть Бельгii,—суть средоточіе бельгійской промышленности и образуютъ такъ наз. «Черную Страну» Бельгii. Здѣсь на протяженіи огромной площади нѣдра земли непрерывно используются людьми: десятки тысячъ шахтеровъ, какъ легендарные гномы, копаются въ темныхъ и мрачныхъ подземельяхъ каменноугольныхъ шахтъ, углубляясь все глубже и ниже въ нѣдра земли за драгоценнымъ продуктомъ, который не даромъ называютъ «хлѣбомъ промышленности». Бельгійскія каменноугольныя копи углубились во многихъ мѣстахъ на глубину болѣе версты: шахты въ Леванъ-де-Фленю уже углубились до 1200 метровъ, до глубины наибольшей въ Европѣ. Производительность каменноугольныхъ бассейновъ въ Монсѣ, Шарлеруа и Льежѣ достигаетъ громадной цифры—24 милліоновъ тоннъ.

Сами каменноугольныя шахты большей частью оборудованы по послѣднему слову науки и техники. Громадные электродвигатели колоссальной мощности снабжаютъ шахты необходимой движущей силой; электрическіе кабели проложены подъ землей и по нимъ необходимая энергія доставляется въ шахты для приведенія въ движеніе подъемныхъ машинъ (для подъема и спуска людей и для подъема выработаннаго угля); по этимъ же проводамъ электрическая энергія приводитъ въ движеніе вентиляторы, насосы для выкачиванія воды, воздухонагнетатели для вращенія буравовъ, сверлящихъ каменноугольные слои, для пневматическихъ молотовъ, дробящихъ куски матеріала и вообще для многихъ машинъ,

дѣйствующихъ сжатымъ воздухомъ. Все здѣсь устроено такъ, чтобы облегчить тяжелую подземную работу, которая безъ всѣхъ этихъ новѣйшихъ усовершенствованій всегда считалась самой тяжелой изъ всѣхъ видовъ работъ. Жизнь и процвѣтаніе Бельгій такъ тѣсно связаны съ добываніемъ каменнаго угля, что даже современное бельгійское искусство отразило на себѣ эту особенность государственной жизни: поразительныя по силѣ экспрессіи скульптуры Менье, одного изъ талантливѣйшихъ скульпторовъ не только Бельгій, но и Европы, посвященныя жизни и труду бельгійскихъ рудокоповъ, даютъ блестящее этому доказательство. Эти мощныя мускулистыя фигуры, какія мы видимъ, напр., на барельефѣ: «Возвращеніе рудокоповъ», дышатъ правдой жизни и являются вмѣстѣ съ другими подобными же его произведеніями гимномъ тяжелой трудовой жизни этихъ подземныхъ работниковъ, на плечахъ которыхъ, какъ на плечахъ Атланта, покоится мощь бельгійской промышленности.

Нѣдра каменноугольной области изрыты и изрѣзаны сѣтью многочисленныхъ шахтъ, но и поверхность земли въ этой области представляетъ весьма своеобразную картину. Многочисленные промышленные городки и мѣстечки съ фабриками и заводами, извергающими клубы чернаго дыма, кажется, грозятъ окончательно закоптить небо, грохотъ машинъ, лязгъ желѣза, сверкающіе по вечерамъ безчисленные электрическіе огни фабричныхъ и заводскихъ зданій, красноватое зарево доменныхъ печей, выплавляющихъ желѣзо, и бессемеровскихъ,—все это создаетъ полную трудового оживленія картину кипучей промышленной жизни.

Крупные центры, каковы Льежъ, Намюръ, Вервье, Монсъ, Шарлеруа и др., образуютъ цѣлыя промышленныя округа, которые преимущественно вырабатываютъ тѣ или другія издѣлія.

Такъ, напр., Шарлеруа является центромъ стекольной промышленности. Въ немъ самомъ и его округѣ насчитывается 37 стекольныхъ и зеркальныхъ заводовъ *), изготовляющихъ ежедневно около 4000 метровъ зеркальнаго стекла, свыше 80000 метровъ оконнаго стекла, до 20 тысячъ бутылей и множество хозяйственныхъ предметовъ. Вервье служитъ центромъ шерстяной промышленности.

*) Цифры, приводимыя въ статьѣ, заимствованы изъ книги инженера Изара: «Современная Бельгія» и изъ нѣкоторыхъ другихъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ отраслямъ бельгійской промышленности.

Льежъ и Намюръ—центры желѣзодѣлательной промышленности (выдѣлка машинъ и огнестрѣльнаго оружія) и добычи каменнаго угля. Расположенный въ живописной долинѣ Мааса съ массой красивыхъ зда-

Льежъ. Знаменитый мостъ черезъ рѣку Маасъ, нынѣ разрушенный гѣмцами.

ній, остроконечныхъ церквей, среди зелени садовъ и парковъ. Льежъ съ перваго взгляда производитъ впечатлѣнiе города, далекаго отъ той кипучей промышленной жизни, которой онъ выдается среди другихъ городовъ Бельгiи; но если въ Льежѣ взойти на вершину горы Беренъ, то съ нея удивленному взору открывается единственная въ своемъ родѣ картина: цѣлый лѣсъ трубъ, громадныя пушечныя, ружейныя и машиностроительныя заводы, многочисленныя заводскія зданiя и службы, дома съ черепичатыми крышами сгрудились у подножiя горы, образуя промышленный муравейникъ, называемый предметъемъ С.-Леонарда, далѣе видѣются заводы Жюпиль, Шене, Англера и др. Самъ Льежъ полонъ историческихъ воспоминанiй: въ немъ найдены при раскопкахъ во время работъ на площади С.-Ламберъ остатки римскихъ сооружений; это было, очевидно, одно изъ тѣхъ укрѣпленiй, которыя были построены во время войнъ съ галлами и которыя служили важными стратегическими пунктами; исторiя Льежа связана съ исторiей франкскихъ королей; Льежъ былъ свидѣтелемъ того, какъ отправлялся въ крестовый походъ Готфридъ

Бульонскій; ему пришлось пережить ужасы народнаго возстанія 1312 года, когда такъ называемые «большіе» были побѣждены «малыми» и были заперты въ башнѣ церкви св. Мартина и тамъ были сожжены.

Льежъ играетъ также важную роль въ дѣлѣ распространенія столь необходимаго для Бельгіи, какъ промышленнаго государства, техническаго образованія. Его университетъ, основанный въ 1817 году на ряду съ факультетами: медицинскимъ, юридическимъ, словеснымъ и философскимъ, имѣетъ еще техническій и математическій, на которыхъ учится болѣе $\frac{2}{3}$ его студентовъ, и эти два послѣдніе факультета, тѣсно связанные между собой, отличаются блестящей постановкой преподаваемыхъ на нихъ предметовъ; слава технического факультета Льежа такъ велика, что на него стекаются слушатели не только изъ Бельгіи, но и много иностранцевъ, число которыхъ превышаетъ половину всего количества студентовъ этого факультета. Какъ горнозаводскій центръ Льежъ имѣлъ полную возможность организовать великолѣпные музеи и знакомить своихъ слушателей всесторонне съ практикой дѣла. Технической факультетъ университета дополняется еще электротехническимъ институтомъ, оборудованнымъ по послѣднему слову такъ, что ему нѣтъ равнаго на континентѣ. Успѣхи преподаванія, кромѣ прекраснаго оборудованія зиждутся еще на блестящихъ качествахъ преподавательскаго персонала, который набирается изъ инженеровъ-спеціалистовъ, работающихъ или работавшихъ на фабрикахъ и заводахъ и въ совершенствѣ изучившихъ въ теоріи и на практикѣ свои специальности. Но техническій прогрессъ зависитъ не только отъ хорошо подготовленныхъ инженеровъ, важно также имѣть и хорошо обученныхъ низшихъ техниковъ и рабочихъ; и эта сторона была здѣсь принята во вниманіе: цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, механическихъ школъ, профессиональныхъ классовъ устроены здѣсь для того, чтобы удовлетворить эту насущную потребность. Особенно интересна механическая школа, основанная мѣстными промышленниками и субсидируемая государствомъ и городомъ. Въ ней до 350 мальчиковъ съ дѣтскаго возраста получаютъ техническую и профессиональную подготовку; здѣсь имъ даются основныя элементарныя теоретическія познанія, но главный центръ тяжести обученія переносится въ техническія мастерскія и чертежныя, гдѣ они приобрѣтаютъ практическіе навыки, привычку къ специальнымъ работамъ, гдѣ имъ всячески внушается любовь къ труду и пониманіе цѣнности образованія для успѣховъ профессиональной работы.

Чтобы наглядно представить себѣ колоссальный ростъ бельгійской промышленности, чтобы воочию убѣдиться, какихъ результатовъ въ смыслѣ совершенства техники она достигла, для этого слѣдуетъ познакомиться съ однимъ изъ крупнѣйшихъ предпріятій въ округѣ Льежа. Въ городкѣ Сэрэнѣ вблизи Льежа находятся заводы Джона Кокерилия, представляющіе громаднѣйшій интересъ и размѣрами производства, и разнообразіемъ вырабатываемыхъ продуктовъ. Заводы были основаны въ 1817 году ирландцемъ Джономъ Кокерилемъ, которому по приказу короля Нидерландскаго Вильгельма I были для этой цѣли пожалованы помѣстья съ замкомъ князей-епископовъ на берегу Мааса съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ здѣсь машиностроительный заводъ. Джонъ Кокериль устроилъ здѣсь такой заводъ, примѣнивъ здѣсь все новѣйшія усовершенствованія, которыя были достигнуты въ Великобританіи въ этой отрасли.

Заводы Кокерилия занимаютъ территорію въ 140 гектаровъ, на которыхъ располагаются все три отрасли ихъ производства: угольнопромышленная, чугуноплавильная и сталелитейная. Чугунъ выплавляется здѣсь въ 6 громаднѣйшихъ плавильняхъ, дневная производительность которыхъ равняется 200 тоннамъ чугуна, при чемъ для выплавки его тратится ежедневно свыше 450 тоннъ руды и кокса. Когда расплавленный чугунъ изъ особаго отверстія плавильной печи выпускается въ отливочныя каналы, то словно огненная рѣка медленно течетъ передъ вами, во все стороны летятъ искры, какъ яркія звѣздочки, а въ это время рабочіе, ловкіе и смѣлые, быстро преграждаютъ путь огненному потоку, закладывая на его пути комья глины, которые они несутъ на длинныхъ шестахъ. Этотъ моментъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и производитъ сильное впечатлѣніе на зрителя.

Не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ отдѣленіе сталелитейное; громадныя глыбы стали, предварительно раскаленные, при помощи цѣлаго ряда механическихъ приспособленій подводятся подъ гигантскіе валы, расплющиваются, принимаютъ опредѣленную форму и въ видѣ полосъ, рельсъ, разрѣзанныя громадными рѣзаками, автоматически укладываются въ ряды на вагонетки-площадки, которыя ихъ и отвозятъ отсюда. Для этого рода работъ живую силу даетъ громадная паровая машина въ 10000 лошадиныхъ силъ.

Ковка металла въ настоящее время всюду производится при помощи гидравлическихъ прессовъ—молотовъ. Гидравлическій прессъ на заводѣ Кокерилия плющитъ сталь съ силой давленія въ 2000 тоннъ;

этотъ прессъ движется и давить металлъ силой давленія воды, которая нагнетается нѣсколькими помпами. На заводахъ Кокериля изготовляются корабельныя брони, части машинъ, пароходные винты гигантскихъ размѣровъ, громадныя пушки и множество другихъ разнообразныхъ предметовъ. Уголь и руда для всего этого производства доставляется изъ копей и рудниковъ, оборудованныхъ не менѣе совершенно, чѣмъ и сами заводы.

Посѣщеніе фабрикъ и заводовъ другихъ промышленныхъ районовъ, дополняетъ картину общаго необычайнаго расцвѣта бельгійской промышленности и даетъ яркое представленіе о той массѣ труда, знанія и богатства капитала, затрачиваемыхъ Бельгіей въ ея промышленности.

Если мы покинемъ южную Бельгію и переѣдемъ въ сѣверную, то картины природы и быта совершенно измѣняются: широкіе холмы, разрѣзанные извилистыми рѣками, многочисленныя фабрично-заводскіе городки съ ихъ вѣчно дымящимися трубами и напряженной трудовой суетой постепенно уступаютъ мѣсто широкимъ, плоскимъ равнинамъ, цвѣтущимъ зеленѣющимъ полямъ съ разбросанными среди нихъ безчисленными деревнями, фермами, прорѣзаннымъ каналами; вся эта равнина, состоящая изъ плодородныхъ маршей, уходитъ къ сѣверу, оканчиваясь у морского берега песчаными валами дюнъ съ густыми хвойными лѣсами, на которыхъ размѣстились купальныя мѣстечки и городки: Остенде, Блянкенберге, Маріакерке, Вестенде и другіе. Равнины эти образуютъ слѣдующія провинціи Бельгіи: Брабантъ, Западная и Восточная Фландрія и Антверпенъ.

Многочисленныя желѣзныя дороги покрыли и сѣверную и южную Бельгію густой сѣтью; по развитію желѣзнодорожной сѣти Бельгія первое государство не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ: достаточно указать, что въ Бельгіи нѣтъ такой деревни и мѣстечка, которыя бы находились отъ желѣзной дороги далѣе 10—15 верстъ. Поэтому неудивительно, что въ Бельгіи годовое количество поѣздовъ и пассажировъ громадно, достигая внушительной цифры 200 милліоновъ въ годъ. Бельгійскія желѣзныя дороги отличаются скоростью движенія и дешевизной тарифа. Подобно Швейцаріи здѣсь дѣйствуетъ система абонементныхъ поѣздовъ, еще болѣе удешевляющая

XIII вѣкѣ, благодаря терпимости галицкихъ князей, доминиканцы получили разрѣшеніе устроиться въ Галичѣ, а францисканцы—въ Перемышлѣ, что подало поводъ Казимиру признать своей первѣйшей задачей усилить католицизмъ здѣсь учрежденіемъ викаріатства, устройствомъ латинскихъ епархій, поставленіемъ латинскаго архіепископа. Одновременно же онъ стремится ослабить и унижить православное духовенство. Въ Галицко-Владимирской землѣ къ этому времени были: древнѣйшая, со временъ Владимира Святого, Владимиро-Вольнская епархія, къ которой присоединились Луцкая и Перемышльская, съ XII вѣка—Галицкая и со временъ Данила—Холмская. Еще при Юріи Львовичѣ явилась попытка устроить особую Галицкую митрополию, и изъ первыхъ митропо-

литовъ былъ св. Петрѣ, удалившійся затѣмъ въ Москву. Обособленность отъ общерусской митрополии была на руку польскому правительству, а съ конца XIV вѣка оно пробуетъ нанести сильный ударъ православію. Латинскія епархія располагаются на мѣстѣ православныхъ, захватывая церкви и имущество; исчезаетъ епископство, и по духовнымъ дѣламъ православные должны ѣздить въ Молдавію. И если затѣмъ мы видимъ опять Галицкаго епископа, подчиненнаго митрополии Кіевской, то униженіе православнаго духовенства все-таки характеризуется тѣмъ, что попы и хлопы сравнены въ несеніи повинностей, а православные должны платить

десятину въ пользу католической церкви. Хотя попытка ввести въ Галицію унию во время Флорентійскаго собора не удалась *), но притѣненія православныхъ и крайній фанатизмъ польскаго духовенства проявля-

*) Любопытно, что отверженный митр. Исидоръ фигурируетъ въ учебникахъ современныхъ правительственныхъ Галицкихъ школъ.

ются весьма ярко. Во второй половинѣ XVI вѣка львовскій архіепископъ Суликовскій принуждаетъ русскихъ праздновать католическіе праздники и разгоняетъ молящихся изъ православныхъ храмовъ наканунѣ Рождества Христова. Съ введеніемъ уніи 1596 года началась еще болѣе ожесточенная борьба, ибо Галицкая Русь уніи не приняла, и положеніе ея рисуется въ протестѣ Львовскаго братства 1598 года. «Русскихъ священниковъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ церкви, изъ рукъ священниковъ вырываютъ Св. Тайны и бросаютъ на землю; не допускаютъ русскихъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые уже были записаны въ цехи, насиліемъ, денежною пенейю и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждаютъ ходить въ латинскіе костелы». Если притѣсненія въ Галиціи были таковы же, что и вездѣ на Юго-Западной Руси, то и борьба велась знакомыми намъ средствами. Одной изъ первыхъ крупныхъ фигуръ является львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, поставленный за свою ревность въ экзархи Константинопольскаго патріарха. Вокругъ этого святителя, «непокорнаго старика Сусанина» (по выраженію Ипатія Потѣя), сплотилась вся Русь, и крѣпко держалась греческаго исповѣданія; Гедеонъ Балабанъ строилъ церкви, заводилъ школы, типографіи. Въ его имѣніи Стратинѣ и во Львовѣ были школы съ преподаваніемъ греческаго языка. Въ типографіяхъ печатались книги по греческимъ спискамъ, для чего епископъ сносился

ДНІА СЛЪВЪ СЪ ТВОРИХЪ ОВѢХЪ, ЗА
 А
Н ервое оубо слово сътвори хъ овѣхъ, за
 а деофиле. онихже нача іе, тво
 а рнтиже и оучити. донегоже дне
 запобѣдавъ аплонъ дхонъ сты
 ихже и збра възнесеса. пренни
 же и постави себе жнба пострад
 ниіи своімъ. възмнозехъ истинныхъ знаме
 ниіихъ. днѣми четыри десѣтми іавла
 ала имъ и гла іаже оцѣтѣи бжн. снн
 миже и іады, повелѣваше имъ шіерсалн
 ма не шлѣчатиса. но ждѣти овѣтѣваніе
 шіес, еже слышасте шменѣ. іако ішаннъ
 іубо крѣтнаъ есть вѣдон. бжже имате кре
 ститиса дхонъ стымъ, непоплннзѣхъ сн
 днѣхъ. онихже оубо съшѣшеса, въпрашахъ

въ стѣну и великую ил пасхи. и на възнесе
 ніе гнѣ.

изъ апостола львовскаго изданіи (1573-1574)

съ патриархами и лично переводилъ съ греческаго. Говорить о дѣятельности всѣмъ извѣстнаго князя Константина Острожскаго не приходится. Но то, что предпринимали отдѣльные борцы, продолжало долгіе годы Львовское ставропигійное братство: извѣстны его школа, его типографія, гдѣ работалъ печатникъ Иванъ Федоровъ, и гдѣ печатались многія сла-

изъ апостола львовскаго изданіи, (1573-1574)

вяно-русскія сочиненія. Въ обширной полемической литературѣ XVII в. встрѣчаемъ писателей — Галичанъ. Таковы Юрій, авторъ «Перестроги», Копыстенскій Захарій, авторъ «Палинодіи», и въ особенности пламенный афонитъ Іоаннъ Вишенскій и схимонахъ Іовъ Бнягинецкій. Іоаннъ, уроженецъ Вишни въ Галиции, ушелъ на Святую гору Афонскую, посвятивъ себя иноческимъ подвигамъ. Но и изъ своей далекой Зографской обители онъ слѣдилъ пламенной душой своей за всѣмъ, что дѣлалось на родинѣ, скорбѣлъ и посылалъ свои бурныя посланія. Искреннее чувство, выразительность, смѣлость произвели сильное впечатлѣніе. Онъ громилъ пороки, громилъ измѣнниковъ православію, громилъ измѣну старо-русскимъ обычаямъ

и воззрѣніямъ; онъ скорбѣлъ за судьбу тѣхъ, «кто изъ одной мисочки борщикъ хлебають, простой свитой покрываются...». «Эта

истинно-библейская фигура монаха, который металъ настояще громы... умѣлъ жечь сердца своихъ православныхъ современниковъ, дѣйстви- тельно, заслоняетъ собой всѣхъ другихъ дѣятелей». Въ перепискѣ съ Иоанномъ состоялъ и Іовъ Княгинецкій, этотъ выдающійся осно- ватель многихъ скитовъ, въ особенности, знаменитаго скита Манявскаго. Также уроженецъ Галиціи (въ По- кутьѣ, г. Тисмяницѣ), Іовъ отправился на Афонъ и при- нялъ монашество въ Вато- педскомъ монастырѣ. По- павъ на родину, Іовъ, быв- шій въ родствѣ съ Гедео- номъ Балабаномъ, остался здѣсь и принялся за устрой- ство обителей; въ одной изъ нихъ, Угорникахъ, навѣ- стилъ его, пріѣзжавшій однажды на родину, Іоаннъ Вишенскій. Человѣкъ обра- зованный, знавшій греческій языкъ, Іовъ былъ и пламен- нымъ проповѣдникомъ. Онъ оставилъ по себѣ сочиненіе «Исповѣданіе вѣры», а сло- вомъ наставлялъ и прихо- дившихъ къ нему и всѣхъ, кого встрѣчалъ, обходя пѣш- комъ область и убѣждая быть ревностными православными. Послѣдній изъ основанныхъ имъ скитовъ—въ Манявѣ на р. Батор- совой получилъ названіе Великаго скита, «Новаго Ватопеда въ Россіи» и сослужилъ великую службу въ тяжкіе годы конца XVII и XVIII вѣ-

ковъ. Въ Манявскомъ скитѣ и скончался великій старецъ.—Хотя совсѣмъ далеко была Москва, но случайныя точки соприкосновенія были, и служили онѣ тонкой нитью, связывавшей отдѣленные пространства и судьбой русскія земли. Такъ старецъ Іовъ былъ въ Москвѣ за сборомъ милостыни, такъ царь Θεодоръ Іоанновичъ оказалъ щедрую поддержку Манявскому скиту и послалъ богатую милостыню Львовскому братству: на куполѣ Львовскаго Успенскаго собора доселѣ хранится надпись: «Царь Θεодоръ Іоанновичъ бысть благодѣтель храма сего». Этотъ храмъ явился т. о. результатомъ благотворительной дѣятельности московскаго царя и грека Константина Корниакта, переселившагося въ южную Русь. Изъ послѣдняго факта, равно какъ изъ житій Іоанна Вишенскаго и Іова, можно наблюдать, что связь съ Константинополемъ продолжалась не только оффиціальнымъ путемъ церковныхъ отношеній. И мы должны сказать, что твердость и устойчивость въ тяжелые годы подневольной жизни, проявленная Галиціей, является результатомъ той работы политической и культурной, какую мы наблюдали въ періодъ ея самостоятельнаго существованія. Замѣтная въ то время обще-русская связь и частыя сношенія съ Царьградомъ способствовали и въ годы оторванности и обособленности отъ Сѣверо-Восточной Руси и Константинополя—поддержанію слабаго пламени народнаго и православнаго единенія.

Но наступало время, когда сила сопротивляемости народа чужому засилью ослабѣла. Новыя правовыя нормы и вторгнувшаяся польская жизнь дѣлали свое дѣло. Подъ вліяніемъ польской культуры ополячилась и окатоличилась родовитая знать: «ихъ сманили, ихъ плѣнили Польши шумные пиры»; подъ ударами новыхъ экономическихъ условій упала городская жизнь: почти прекратилась торговля и промышленность; подъ ударами новыхъ соціальныхъ условій закрѣплоцалось крестьянство, изнемогавшее подъ барщиной, и превращалось въ забитое холопство. Невыносимый религіозный и соціально-экономическій гнетъ вызывалъ въ Галичинѣ рядъ возстаній въ Городкѣ, Яновѣ, Тарнополѣ; неудержимой волной разлилось это возстаніе во время движенія Богдана Хмѣльницкаго; тогда особенно сильно дѣйствовало Покутье (на правомъ Поднѣстровьѣ). Но и возстаніе Хмѣльницкаго, столь благопріятное для Малороссіи, не принесло ничего Галиціи; наоборотъ, съ присоединеніемъ восточной Украйны и Кіева къ Москвѣ, съ подчиненіемъ Кіевской митрополіи Московскому патріарху, съ отливомъ населенія изъ право-бережной

Украины въ лѣво-бережную—Галицкая земля оказалась еще въ болѣе обособленномъ, одинокомъ и беззащитномъ положеніи. И результатъ не замедлилъ сказаться: перешелъ въ унію епископъ Перемышльскій, за нимъ въ 1700—Львовскій и ставропигія... Унія, которой такъ долго сопротивлялась Галиція, была введена. И послѣднимъ свѣточемъ православія остался только Манявскій скитъ, иноки котораго въ теченіе всего XVIII в. хранили православную вѣру и поддерживали воспоминаніе о ней среди Галичанъ.

На тяжелое положеніе Галиціи обратилъ вниманіе Петръ Великій и, въ бытность свою тамъ, требовалъ у польскаго короля прекращенія притѣвленія православныхъ и строгаго наказанія львовскому митрополиту Шептицкому за насильственное обращеніе въ унію Львовскаго братства *).— Однако духъ сопротивленія не вовсе еще угасъ въ народѣ русскомъ, и въ Карпатскихъ горахъ, въ Покутьѣ, продолжаютъ вспыхивать возстанія «опришковъ», такъ назывались мѣстные гайдамаки; «ватаги» опришковъ пополнялись и образовывались изъ гуцуловъ—горцевъ, которымъ много помогало соседство съ Молдавіей. И до сихъ поръ въ народной поэзіи звучитъ воспоминаніе объ этихъ «опришкахъ-гайдамакахъ», объ ихъ борьбѣ съ ляхами, положить конецъ которой не въ силахъ было польское правительство XVIII вѣка.

Въ 1772 г., по первому раздѣлу Польши, Галиція отошла къ Австріи за исключеніемъ двухъ округовъ (Тарнопольскаго и Скалатскаго), которые были отданы Австріи въ 1815 г., по Вѣнскому конгрессу, побѣдителемъ Наполеона и спасителемъ Европы, имп. Александромъ I, и миллионъ русскихъ людей, только что вернувшихся въ православіе, былъ насильственно переведенъ въ унію. Годы 1772 и 1815, такимъ образомъ, являются позорными страницами въ исторіи Руси Державной по отношенію ея къ Галиціи и роковыми для Руси подъяремной. Въ какомъ состояніи перешла Галиція изъ-подъ польской власти подъ австрійскую рисуютъ слова Левинскаго (оффиціала), въ 1773 г.: «я уже совершенно ежился съ мыслью, что Русь погибнетъ скорѣе, чѣмъ что-нибудь изъ нея выйдетъ. Очень жаль, что мы чему-то учились: такъ

*) Интересно, что фамилія Шептицкихъ—роковая въ исторіи Галицкой церкви: таковы Шептицкій при имп. Екатеринѣ и Шептицкій нашихъ дней.

какъ, если бы мы, подобно нашимъ отцамъ, ничего не знали, то не чувствовали бы тѣхъ кривдъ, какія терпимъ безъ вины... Жаль, что конфедератамъ не повезло. Они бы насъ вырѣзали и успокоились, а то теперь бьютъ насъ, бьютъ и не могутъ убить». Дѣйствительно, народная масса была въ глубокомъ рабствѣ, не смѣя проявлять духовной жизни, мѣщанство малочисленно и безправно, единичные шляхтичи, оставаясь еще въ униі, по языку и національнымъ традиціямъ были уже чужды; духовенство—высшее тянуло къ латинству и польщизнѣ, низшее—невѣжественное было сравнено по положенію съ хлопами. Но эти-то «попы-хлопы» и поддерживали все-таки русскую народность.

Австрія завладѣла Галиціей въ эпоху Маріи-Терезіи и Іосифа II—эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Прежде всего она дала твердую бюрократическую власть вмѣсто польской анархіи. Идеи Іосифа II сказались въ облегченіи крестьянства: мы видимъ указы объ ограниченіи власти помѣщиковъ, о возвращеніи хлопамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, и эти мѣры показались, конечно, громаднымъ благодѣяніемъ для обездоленной массы. Политическія соображенія, недовѣріе къ польскому элементу, вынудили австрійское правительство обратить вниманіе на русскую народность, враждебную польской, и оказать поддержку униатскому духовенству. Съ этой цѣлью было обращено вниманіе на просвѣщеніе: открыты Львовская семинарія, Львовскій университетъ съ преподаваніемъ на богословскомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ, открыты при церквахъ сельскія школы. Нельзя, однако, забывать, что Іосифъ II при своей реформаторской дѣятельности хотѣлъ изъ различныхъ народностей, подчиненныхъ его власти, создать единую націю и лучшее къ тому средство видѣлъ въ германизации иноплеменныхъ и иноязычныхъ частей монархіи. И потому неудивительно, что именно Іосифъ II закрылъ и предалъ разрушенію Манявскій скитъ, служившій послѣднимъ напоминаніемъ о православіи. Скитъ привлекалъ къ себѣ тысячи богомольцевъ, и униатскіе храмы пустовали. До нашихъ дней развалины его будятъ въ населеніи воспоминанія о прошломъ и манятъ грезами будущаго: «чернецы де вернутся, обитель зацвѣтетъ снова, а ея слава и богатство станутъ еще больше, чѣмъ были прежде». —Какъ бы то ни было, первые годы власти австрійской показались Галичинѣ много лучше польской. Но положеніе дѣлъ скоро измѣнилось: наступилъ періодъ реакціи и католическаго вліянія, время Меттерниха. Началась система германизации путемъ поселенія нѣмцевъ въ Галиціи и путемъ введенія

въ школы нѣмецкаго языка. Взглядъ на русскую народность измѣнился. Если еще первый губернаторъ гр. Пергенъ предлагалъ употреблять русскихъ лишь, какъ орудіе противъ поляковъ, то нѣмецкій историкъ Энгель выразилъ еще опредѣленнѣе свой взглядъ на русскую опасность австрійскому правительству.

«Кто не испугается того, что русскій генералъ Тутолминъ поленяетъ въ своемъ универсалѣ 1795 г., по поводу занятія Холма, Белза и Луцка, что то были когда-то составныя части древняго русскаго государства... А что было бы, если бы русскому кабинету вздумалось утверждать, что Галиція есть собственно русская провинція». Въ этихъ словахъ коренится причина всей дальнѣйшей политики Австріи. Она стремилась уничтожить и предать забвенію все, что такъ или иначе могло поддерживать единство и связь русской народности Галиціи съ Русью Державной... И Галиціи подъ австрійской зависимостью приходилось вести въ теченіе больше, чѣмъ столѣтія борьбу

за народность, за языкъ, за свое національное самосознаніе, за свое прошлое. Австрійское правительство примирилось съ поляками и рѣшило предоставить имъ хозяйничаніе въ Галиціи, въ которой возобновился и польскій гнетъ. Доказательствомъ можетъ служить исторія съ языкомъ преподаванія въ школахъ сельскихъ. Ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка материнскимъ было уважено съ замѣной нѣмецкаго... польскимъ, ибо по объясненію правительства, «мѣстный языкъ Галиціи—польскій языкъ» (1818 г.); и дальше найдемъ причину такого объясненія: «менѣе желательно распространять вмѣсто польскаго малорусскій языкъ, который есть лишь нарѣчіе російскаго языка». Но противъ полониза-

Манявскій скитъ.

Всѣя вавило-скитскаго монастыря въ Манявѣ.

ціи началась борьба. Несмотря на пужду и темноту «поповъ-хлоповъ» — колебанія въ вопросѣ о народности у нихъ не могло быть, и среди нихъ иной разъ появлялись начетчики, «дышавшіе типикомъ и псалтырью», которые помнили завѣты Іоанна Вишенскаго и писали «твоя родителька (православная церковь) не въ роскошахъ свѣта того, але въ гуняхъ, скурахъ...по горамъ..., абысте, прошедни тутъ сквозь огонь и воду, впроважены были до оногo вѣчного покою». Церковный обрядъ—единственное, что напоминало о Руси. Представленіе о «велька русска маты» (выраженіе Гарасевича), о славномъ прошломъ стало смутнымъ.—Между тѣмъ политическія событія 30-хъ годовъ, увлеченіе романтическое народностью, вызвали и среди галицкой образованной молодежи стремленіе поработать на пользу Руси, чему способствовали и домашняя обстановка, и греческій календарь, и особый алфавитъ. «Часъ уже Ляхамъ перестати, а намъ, Русинамъ, начинати», написалъ одинъ семинаристъ. И дѣйствительно, выступаетъ на историко-литературное поприще знаменитая «троица»: Шашкевичъ, Василевичъ и Головацкій, издавшая въ 1837 г. сборникъ галицко-русскихъ народныхъ пѣсенъ: «Русалка Днѣстрова», и Зубрицкій, посвятившій себя изученію родной старины. На это движеніе откликнулись въ Россіи, и Максимовичъ изъ Кіева писалъ: «Возрожденіе словесности въ Червонной Руси есть явленіе утѣшительное... На какомъ бы ни писали языкѣ галичане—все равно, лишь бы писали они о своей милой Руси... но надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ...» И далѣе онъ касается большого вопроса современности—соотношенія русскаго литературнаго языка и южно-русскаго. «Для русиновъ—пора польскаго языка прошла для нихъ давно, пора великорусскаго языка для нихъ еще не наступила. Потому весьма желательно, чтобы они, подобно вамъ (Зубрицкому), усвоили себѣ великорусскій языкъ, но ваша червоно-русская словесность должна быть по моему мнѣнію... на южно-русскомъ».—Австрійское правительство отвѣтило на литературное движеніе конфискаціей «Русалки Днѣстровой».—Наступали, между тѣмъ, въ Австріи революціонные годы: съ 1848—1866 измѣнились условія ея жизни и въ 1867 г. началась конституціонная жизнь Австро-Венгерской монархіи при императорѣ Францѣ-Іосифѣ. Галиція вошла въ сферу австрійскаго парламента. Въ опасные годы революцій Австрію спасали Россія при императорѣ Николаѣ I и русское населеніе Галиціи, о которомъ само правительство заявляло, что оно возлагаетъ надежду на «благонадежныхъ русскихъ поповъ и вѣрный,

